
Alene
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Dash Z
Alene

https://litres.ru/74795437
SelfPub; 2026

Аннотация

Элен переезжает из Лиона в Берген вслед за женихом. Она оставляет родной дом, карьеру, верит в счастливое будущее. Но Норвегия встречает её холодом, одиночеством и чередой событий, которые навсегда изменят её жизнь.

Содержание

Предупреждение	4
Пролог	5
Берген	19
Штиль	33
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Dash Z
Alene

Предупреждение

Внимание! Произведение содержит следующие предупреждения:**Жестокость, насилие, изнасилование, нецензурная брань, нездоровые отношения, упоминания алкоголя и курения, упоминания религии, упоминания выкидыша, изоляция, суицидальные мысли, нежелательная беременность, групповой секс, секс в нетрезвом виде, незащищённый секс, лимский синдром, описание телесных жидкостей, элементы ревности, кровь \травмы, телесные наказания.**

Автор не романтизирует происходящее. Если вы чувствительны к подобному контенту, пожалуйста, позаботьтесь о себе и отложите чтение.

Пролог

Элен стояла на балконе и смотрела, как рабочие выносят из подъезда их диван.

Конец сентября — время, когда Лион одевается в рыжий бархат. Воздух пах влажной землёй и дымом от каштанов, которые уличный торговец жарил на углу. Квартира на четвёртом этаже опустела за неделю. Книги упакованы, посуда в коробках, со стен сняты картины. Её любимая — вид старого Лиона с высоты Фурвьера, — подаренная покойным дедушкой на окончание университета, теперь лежала в пупырчатой плёнке.

— *Mon chérie*! (Фр.«Любимая») Ты где?

Раскатистый, бодрый, слишком громкий для этого тихого утра голос Кристиана донёсся из прихожей. Он всегда был таким: энергия била из него, как пар из котла. В море это помогало, но в четырёх стенах иногда оглушало.

— Здесь, — отозвалась она, не оборачиваясь.

Кристиан вошёл в гостиную, на ходу застёгивая рубашку. Высокий, широкоплечий, с лицом, которое Элен за три года уже узнала наизусть. Тёмные волосы, которые он всегда зачёсывал назад, открывая высокий лоб. Обветренная кожа, привыкшая к соли и ветру за годы марсельских рейсов. Шрам над левой бровью — память о шторме в Бискайском заливе, когда волна ударила в борт, и он рассёк лицо о край навига-

ционного стола. Она любила этот шрам, но иногда подтрунивала: говорила, что на самом деле он получил его в драке из-за женщины, просто не хочет признаваться.

Кристиан каждый раз смеялся и отвечал одно и то же: «Если бы я дрался из-за каждой женщины, у меня бы лица не осталось». Сегодня он не сказал этого. Просто вышел к ней на балкон, обнял сзади за талию и прижался щекой к её виску.

— Ты плачешь?

— Нет, — она сморгнула, и слеза предательски побежала по щеке. — Ладно, немного.

Элен никогда не покидала Лион надолго — так, на неделю в Париж, на две в Рим, на три дня в Барселону. Она любила Францию негромкой, но глубокой любовью: любовью к языку, на котором она думала и говорила, к утреннему кофе с круассаном, к тому, как французы спорят о политике за ужином и целуются при встрече. Это было в ней не как патриотизм, а как воздух.

А теперь она уезжала. В страну, где говорят на языке, который она не понимала. Где горы и фьорды вместо платанов и рек. Где зима длится полгода, а солнце не поднимается выше крыш.

— Я боюсь, — сказала она тихо.

— Мы вернёмся, — дыхание Кристиана было тёплым, родным. — Контракт на два года. Может, на три. Накопим денег и вернёмся. Купим дом, с садом и вишнёвым деревом.

— Надеюсь, к тому времени мы уже будем женаты.

Элен сказала это легче, чем хотела. Почти шуткой, почти без упрёка. Но Кристиан услышал то, что пряталось под словами, и руки на её талии чуть напряглись.

— *Mon chérie*…

Элен высвободилась из объятий и повернулась к жениху:

— У нас было время. Мэрия в двух кварталах. Мы могли бы расписаться за полчаса, позвать всех в ресторан, и всё.

— Мы же обсуждали это.

— Нет, — она покачала головой. — Ты сказал: «Давай устроим красивую свадьбу в Норвегии». Я сказала: «Давай сначала распишемся здесь». Ты отшутился. И с тех пор мы делали вид, что этого разговора не было.

— Я не отшутился.

— Ты сказал: «Зачем спешить? Ради таких фотографий стоит подождать». Это шутка, Кристиан. А я не хочу шутить. Я уволилась из музея, продала нажитое, еду в чужую страну…

— Так, всё, *cesse* (Фр. «Прекрати»), — резко прервал Кристиан, — Мы летим в Берген (Город в Норвегии, расположен на западе страны, на берегу Северного моря.) через три часа. У нас билеты на руках, контракт подписан, квартира оплачена. Всё решено. Я не знаю, чего ты хочешь от меня сейчас. Чтобы я вернул билеты? Отменил контракт и потерял работу? Элен замолчала. Она смотрела на Кристиана, на его сжатые челюсти, на желвак, дрожавший на скуле. Уста-

лость, что копилась полгода, накрыла её целиком, с головой. Она неоднократно поднимала тему росписи, искренне не понимая, почему Кристиан так упирается — в Норвегии замучаешься со справками, одобрениями, им объективно легче узаконить свои отношения здесь. Но уже поздно.

— Нет, — сказала она тихо. — Я не хочу, чтобы ты потерял работу.

Кристиан моргнул. Он был готов к продолжению: к слезам, к упрёкам, к долгому разговору. Спокойствие Элен на секунду выбило его из колеи, но вскоре его плечи расслабились, а взгляд смягчился.

— Я люблю тебя, — сказал он. — Приедем, обустроимся и назначим дату. Я обещаю.

Элен посмотрела на него. На его виноватую, мальчишескую улыбку, которой она всегда верила.

— Хорошо.

***

В аэропорту Кристиан воевал с багажом у стойки регистрации и что-то громко объяснял девушке про хрупкий груз. Та кивала, не слушая, её глаза уже остекленели от сотен пассажиров, прошедших мимо неё за ночь. Элен сидела в зале ожидания, думая о том, что через несколько часов окажется в другом городе, в другой стране, в другой жизни, где никто её не знает.

Мать Элен, Симона, приехавшая проводить дочь, сидела рядом. Родители Кристиана жили в другом городе, но они

и без того привыкли подолгу не видеть сына, так что обошлись без прощаний. А вот Симона Готье не привыкла. Она держалась, не плакала, но вся её фигура, сухая и прямая, напоминала Элен бабушку: та тоже никогда не показывала слёз, даже когда внутри всё рвалось. Пальцы матери нервно, безостановочно теребили ремешок сумки, и этот маленький жест выдавал её с головой.

— Позвони, как только сможешь, — сказала она.

Элен взяла её за руку. Ладонь матери была сухой и тёплой. Такой, какую Элен помнит с детства, когда они переходили дорогу. Но теперь эта ладонь покрылась морщинами и слегка подрагивала от волнения.

— Всё будет хорошо, мам, — Элен улыбнулась, хотя сама пребывала в ужасе.

— Кристиан… хороший, — сказала мама. — Но ты не обязана терпеть то, что тебе не нравится. Слышишь?

— Слышу.

Когда объявили посадку, Элен обняла её, вдыхая родной запах: мелисса, стиральный порошок и что-то родное, домашнее. Кристиан, наконец закончив эпопею с багажом, тоже попрощался с будущей тёщей:

— *Maman (*Фр. «Мама».), — он бегло обнял её.

Так он называл маму Элен последние полтора года, с тех пор, как она настояла, чтобы он перестал звать её мадам Готье. «Зови меня мамой. Ты же почти член семьи», — сказала она. Он запомнил. Всегда запоминал такие вещи — ма-

ленькие жесты, которые ничего не стоили, но производили впечатление.

— Береги её, — сказала мама.

— Всегда.

***

В самолёте Элен села у окна. Кристиан устроился рядом и сразу достал планшет, открыл какие-то схемы, карты, графики. Он готовился к первому рейсу, хотя компания ещё не объявила точную дату. Он всегда готовился заранее. Элен когда-то любила это в нём. Теперь она смотрела, как он хмурится над планшетом, и думала: «Он готовится к рейсу больше, чем к свадьбе».

Самолёт вырулил на взлётную полосу, разбежался и оторвался от земли. Лион уходил вниз. Две реки, Рона и Сона, сжимали город в серебряные тиски. Крыши блестели в лучах низкого солнца. Когда самолёт лёг на курс, Кристиан отложил планшет и повернулся к ней:

— О чём думаешь?

— О доме.

— Скучаешь уже?

— Угу.

Кристиан взял её за руку и поднёс к губам.

— Я знаю, тебе тяжело, ты многим пожертвовала. Но я обещаю: оно того стоило. Там такая красота, что дух захватывает. И воздух… ты никогда не дышала таким воздухом. Он пахнет морем и снегом, даже летом.

— Ты же там не был.

— Не был, — он улыбнулся, — Но знаю.

***

В Берген прилетели почти за полночь. Город встретил их дождём.

Не ливнем, а мелкой, почти невидимой водяной пылью, которая висела в воздухе, как туман, и оседала на волосах, на ресницах, на коже. В темноте трудно было что-то разглядеть — только огни аэропорта, размытые дождём, и тёмные громады гор где-то вдалеке. Элен вглядывалась в окно машины, но видела лишь своё отражение, мокрый асфальт и цепочку фонарей, убегающую вверх по склону.

Такси везло их через спящий город. Улицы были пусты, брусчатка блестела в свете фар. Деревянные, крашеные дома стояли так близко друг к другу, что между ними, казалось, нельзя было пройти. Элен прижалась лбом к холодному стеклу и пыталась представить, как это выглядит днём.

Квартира находилась в районе Норднес, на третьем этаже старого дома, похожего на все дома здесь, но его окна выходили на порт. Внутри было чисто, светло и пусто. Минимализм, который норвежцы называли уютом: белые стены, светлое дерево, ни одной лишней вещи. Их чемоданы, оставленные в углу и всё ещё хранившие тепло Лионской осени, казались здесь чужеродными.

Элен прошлась по комнатам. Гостиная, спальня, крошечный кабинет, ванная. Остановилась у окна — в порту разгру-

жался какой-то корабль, и краны медленно поворачивались над водой, как шеи огромных птиц. Кристиан подошёл сзади и обнял её за плечи.

— Ну вот, — сказал он. — Наш новый дом.

— Дом, — повторила она, не вложив в это слово ни капли нежности.

Ужин состоял из быстрозавариваемой лапши, ибо сил на готовку, после пятичасового полёта с пересадкой в Копенгагене, не было.

— Завтра обменяем деньги, — сказал Кристиан. — Купим нормальной еды.

— И вина.

— И вина. Обязательно.

После душа Элен стала расстилать постель. Бельё, что она предусмотрительно купила заранее, пахло магазином, новизной и крахмалом. Она встряхнула пододеяльник и замерла, глядя на кровать — здесь они будут спать, просыпаться, заниматься любовью, ссориться, мириться. Здесь пройдут ближайшие два года её жизни.

Кристиан, закончив копошиться в рюкзаке в поисках зарядки для телефона, наконец выпрямился и оглядел комнату. Элен стояла у кровати и смотрела на него.

— Нашёл? — спросила она.

— Нашёл, — он помахал проводом в воздухе. — Она была на самом дне. Конечно.

Девушка усмехнулась. За стеклом продолжался дождь.

Мелкий, но упорный, и, казалось, он будет идти вечно.

Кристиан подошёл к Элен сзади, положил руки на плечи и легонько сжал. Потом наклонился и, легко, почти невесомо, поцеловал в шею.

— Устала?

— Немного.

— Я тоже.

Она думала, он отпустит её и они лягут спать. Но руки мужчины остались на плечах, а губы снова коснулись шеи, только теперь ниже, у самого ворота майки. Он целовал медленно, будто у них было всё время мира.

— Кристиан…

— М-м?

— Я правда устала.

— Я знаю, — его голос тихо прозвучал над ухом. Одной ладонью он скользнул вниз, к её груди. — Просто дай мне тебя обнять. Ничего больше.

Она вздохнула и откинула голову ему на плечо. Кристиан стал медленно, по кругу, поглаживать сосок через тонкую ткань, и тот затвердел под его пальцами.

— Ты же сказал «ничего больше».

— Это просто рука. Она живёт своей жизнью.

Элен фыркнула, но не отстранилась. Мужчина продолжал всё так же неторопливо, второй рукой спускаясь с плеча вниз, к животу, к резинке её трусиков. Внутри начинала разливаться тягучая, нежеланная сейчас истома. Элен не хотела

этого. Вернее, хотела, но не сейчас.

Средним пальцем Кристиан нажал чуть сильнее, прямо по центру, туда, где ткань уже стала влажной. Девушка тихо выдохнула.

— Вот видишь, — прошептал он ей на ухо. — Ты не так уж устала.

— Нет, я…

Он не дал договорить. Пальцы, от и до знающие её тело, проникли под резинку нижнего белья. Сначала нежно гладили её клитор, а потом легко вошли вовнутрь — два сразу, потому что девушка была уже готова, хотя всё ещё не признавалась в этом. Кристиан двигал ими медленно, глубоко и ритмично, ровно до тех пор, пока Элен не начала подаваться бёдрами навстречу. Тогда, свободной рукой он заставил девушку повернуть голову, и их губы встретились.

Языком Кристиан протолкнулся глубже, сразу, без предисловий, и она ответила с готовностью, которая удивила её саму. Звук, который Элен издала, был чем-то средним между стоном и всхлипом. Она чувствовала, как его пальцы внутри неё ускоряются в такт поцелую.

Он слегка отстранился и провёл языком по её нижней губе, потом прихватил её зубами, легонько потянул и отпустил. Элен подалась за ним, не желая прерываться, но он уже смотрел на неё сверху вниз голодным взглядом. А потом толкнул на кровать, не давая ей опомниться: поймал за бёдра и дёрнул вверх, вынуждая встать на колени. Девушка упёрлась ла-

донями в матрас. Поза была открытой, уязвимой, и от этого соски затвердели ещё больше. Ткань трусиков мягко соскользнула по бёдрам, не встретив сопротивления и оставляя Элен обнажённой ниже пояса. Кожа покрылась мурашками от прохладного воздуха.

Матрас прогнулся, когда Кристиан придвинулся ближе, и горячая головка коснулась её входа. Он водил членом вверх-вниз, медленно, легко скользив без всякой смазки, и от этого дразнящего трения у девушки перехватило дыхание. Она подалась назад, и Кристиан вошёл целиком, одним толчком.

Элен простонала и вцепилась пальцами в простыни. Мужчина начал двигаться сразу: глубоко, размеренно, почти выходя до конца и снова погружаясь до основания, заполняя влагалище до предела. Элен подстраивались под его ритм, подаваясь назад, навстречу каждому толчку.

Кристиан надавил ладонью на её поясницу, заставляя прогнуться сильнее, потом развёл её бёдра шире. Девушка послушно расставила ноги, и теперь он входил ещё глубже, а каждый толчок сопровождался громким влажным шлепком. Запах их тел наполнил комнату: мускусный, солёный, с примесью мыла. Простыни сбились, а спинка кровати, характерно скрипя, постукивала о стену.

— Вот так, — выдохнул Кристиан, глядя, как его член исчезает в ней, как её ягодицы вздрагивают от каждого удара. — Ma bonne (Фр. «Моя хорошая».).

Не замедляя темпа, он поднёс большой палец к своим гу-

бам и обильно смочил его слюной. Потом опустил руку вниз и осторожно прижал влажную подушечку к сфинктеру девушки. Она вздрогнула и замерла.

— Тсс, — прошептал он. — Расслабься.

Он легонько надавил, не входя внутрь, просто массируя тугое колечко мышц круговыми движениями. Слюна сделала прикосновение скользким. Элен застонала громче, уткнувшись в простыню, чувствуя его член внутри, а палец — снаружи, на самой границе. Это было слишком. Слишком много, слишком хорошо.

Он толкнулся глубже, и палец вошёл в неё сзади, медленно, по первую фалангу, растягивая то, что никогда раньше не растягивали так — с членом внутри, с двойным заполнением, от которого у неё перехватило дыхание.

— О господи… — выдохнула Элен.

— Нравится?

Она не смогла ответить. Кристиан задвигал пальцем так же ритмично, как членом, и она потеряла способность думать. Два ритма сплелись в один: глубокие толчки во влагалище и медленное, тягучее растяжение сзади. Её голова кружилась. Она чувствовала себя заполненной до краёв, до предела, до звёзд перед глазами. Каждый нерв в теле был оголён. Она уже не стонала, а всхлипывала, и подавалась навстречу обоим вторжениям.

— Я сейчас… — начала она, но не договорила.

Оргазм накрыл её: долгий, глубокий, выкручивающий всё

тело. Она закричала, сжимаясь вокруг его члена и пальца одновременно. Он кончил следом, с глухим стоном, изливаясь в неё.

***

Легли в постель молодые люди после того, как ещё раз приняли душ. Тела всё ещё гудели от разрядки, и в комнате стоял тот особенный запах из смеси пота и секса. Элен потянулась к тумбочке, достала пачку сигарет. Зажигалка щёлкнула, и кончик сигареты заалел в полутьме. Она затянулась, выпустила дым в потолок. Кристиан покосился на неё.

— Не люблю, когда ты куришь в доме.

— Знаю.

Она затянулась ещё раз. Он смотрел на неё растрёпанную, обнажённую, с сигаретой в пальцах и ленивой полуулыбкой на губах. В окне за её спиной дрожали огни порта.

— Putain (Фр. «Шлюха».), — сказал он беззлобно.

Элен повернула голову, шлепнула мужчину по плечу.

— Что ты сказал?

— Putain, — повторил он и чуть улыбнулся. — Маленькая putain с сигаретой.

Она фыркнула и стряхнула пепел в пустую кружку, стоявшую на тумбочке.

— Сам меня такой сделал.

— Я сделал тебя другой. А putain ты была всегда.

Она засмеялась — тихо, хрипловато после всех стонов, — и снова затянулась. Он не отобрал сигарету, просто лежал

рядом, любуясь своей невестой. И в его взгляде было что-то сытое, собственническое и почти нежное.

Берген

Утро началось с серого света, сочившегося сквозь неплотно задёрнутые шторы, и с далёкого, протяжного, как стон какого-то морского зверя, гудка парома.

Элен проснулась первой. Несколько секунд лежала неподвижно, пытаясь сообразить, где находится. То, что она не в Лионе, стало ясно сразу. Воздух отличался: был холодным и влажным, от чего хотелось сильнее укутаться в одеяло и не вылезать.

Кристиан спал рядом. Одна рука закинута за голову, другая свесилась с кровати. Мужчина безмятежно сопел. Элен позавидовала ему. Ей хотелось бы тоже забыть о вчерашнем разговоре, о том, что она в чужой стране, и её будущее висит на волоске. Но она уже проснулась.

Осторожно, чтобы не разбудить, выбралась из-под одеяла. Натянула свитер крупной вязки и прошла на кухню. В квартире стояла умиротворённая тишина, только половицы поскрипывали под босыми ногами.

На кухне она включила свет и огляделась. Вчера они не успели толком ничего разобрать: коробки стояли у стены, чайник одиноко блестел на пустой столешнице. Элен нашла гейзерную кофеварку в шкафу, на вид не очень современную, оставленную предыдущими жильцами. Насыпала кофе, залила водой, поставила на плиту. Через несколько минут по

кухне поплыл горьковатый, бодрящий запах.

Однако кофе вышел ужасным: слишком крепким, с горчинкой. Элен сделала глоток, поморщилась, сплёвывая в раковину, и тут же услышала шаги. Кристиан появился в дверях кухни — взъерошенный, с отпечатком подушки на щеке, в одних трусах.

— Кофе?

— На плите.

Он налил себе, попробовал и скривился.

— Отвратительный.

— Потому что я варила.

Он хмыкнул, поставил кружку на столешницу и, всё ещё сонный, притянул девушку к себе, целуя её в висок.

— Прекрасно-отвратительный кофе, — сказал он.

Элен слабо улыбнулась. На секунду всё стало почти как раньше, до всех этих разговоров, до Норвегии, до несделанного шага, который висел между ними уже полгода.

***

Пара вышла из дома около десяти утра, и Элен впервые почувствовала Берген по-настоящему — не из окна такси, а на своих двоих. Они спустились к набережной Норднеса, и город начал раскрываться перед ней, медленно, слой за слоем, как старая картина, с которой снимают потемневший лак. Впереди темнела вода, а над ней, вдоль причала, высились деревянные дома Брюггена — знаменитая ганзейская набережная, выкрашенная в охру, киноварь и белый. Дома сто-

яли плечом к плечу, чуть покосившиеся, как пожилые кавалеры, которые слишком долго простояли на ветру, но не утратили достоинства. Их треугольные фронтоны уходили в серое небо, и Элен, запрокинув голову, подумала, что они похожи на декорации к старой сказке. Но не диснеевской, а мрачной, скандинавской, где тролли прячутся под мостами, а в море живут змееподобные чудовища.

Рядом шумел рыбный рынок. Продавцы в резиновых сапогах раскладывали на льду лосося и треску, перекрикивались по-норвежски и размахивали руками. Пахло солью, водорослями и другими морепродуктами. Чайки висели над рынком, почти не двигая крыльями, но орали так, будто спорили о ценах.

Пропущенный утром завтрак (кофе не в счёт) очень скоро напомнил о себе протяжным урчанием в желудке. Место для перекуса долго выбирать не пришлось — на углу, всего с одним окном, притулилась скромная пекарня, но оттуда тянуло таким густым запахом корицы и свежей выпечки, что у Элен закружилась голова.

Они взяли две горячие, обжигающие пальцы, посыпанные крупным сахаром булки. Масло таяло на срезе и намеревалось стечь вниз, а Элен торопливо слизывала его, смеясь. Кристиан ел на ходу и оглядывался по сторонам, будто высматривая кого-то.

— Ты чего? — спросила она.

— Остерегаюсь чаек.

— Боишься птиц? — усмехнулась Элен, не представляя реальной угрозы, ибо в Лионе чайки являются редкими гостями.

— Это не птицы, а летающие крысы. Сейчас увидишь.

И точно: не успели они отойти от пекарни, как наглая, тяжёлая, белая чайка спикировала на Элен откуда-то с крыши, целясь прямо в булку. Элен вскрикнула, пригнулась, выставила руку. Чайка промахнулась, но сделала круг и вернулась, явно намереваясь повторить попытку.

— Беги! — заорал Кристиан и, схватив девушку за руку, потянул за собой.

Пара, лавируя между прохожими, бежала без оглядки назад, не разбирая дороги. Чайка преследовала их до тех пор, пока они не отдалились на достаточное расстояние от воды. Среди каменных домов и узких переулков, её интерес к булке угас: птица развернулась и улетела обратно к порту. Элен прижалась к стене, тяжело дыша.

— Охренеть, какая же она страшная! — выдохнула она.

Кристиан засмеялся, упираясь ладонями в колени и пытаясь отдышаться:

— Я же говорил — летающие крысы!

— Почему они не воруют рыбу?

— Потому что знают, что получат по шапке. А ты лёгкая добыча. Ты почти добровольно поделилась своим завтраком.

Элен шутливо пихнула мужчину в плечо.

— Я просто защищала нас.

— Ну конечно, — улыбнулся Кристиан, и, всё ещё тяжело дыша, смазано поцеловал её в губы. — Мой герой.

Они отлепились от стены и пошли дальше, взявшись за руки. Адреналин постепенно сходил на нет, уступая место былой лёгкости между ними, той, что существовала до сделанного Кристианом предложения. Тогда Элен приехала в порт Марселя, встретить его после долгого, почти двухмесячного рейса, и стояла у пирса, пока его корабль швартовался. Был март, ветреный и солнечный. Когда Кристиан сошёл на берег, уставший и обветренный, с рюкзаком на плече, то вместо «привет» опустился на одно колено прямо на бетонный причал. В одной руке держал кольцо с крошечным бриллиантом, а в другой не было ничего, даже цветов. «Я хочу, чтобы ты ждала меня на берегу всегда. Ты выйдешь за меня?» — спросил он. Элен засмеялась, заплакала, но сказала «да».

Остаток дня прошёл в хозяйственных хлопотах. Они зашли в магазин товаров для дома, и Кристиан обречённо плёлся следом, пока Элен выбирала полотенца, кастрюли, тарелки и мягкий бордовый плед, который, по её мнению, должен был внести в безликую квартиру хоть немного контраста. Потом на очереди был супермаркет, где они набрали овощей, хлеба, молока и две бутылки вина, красного и белого, а на обратном пути снова заглянули на рыбный рынок, тот самый, что проходили утром, и купили блестящую форель. Продавец, усатый норвежец, ловко завернул её в вощёную бумагу и сказал что-то одобрительное по-норвежски.

Домой вернулись уже к вечеру, нагруженные пакетами и замученные приятной усталостью, которая бывает после долгого дня, прожитого вместе.

Кристиан сгрузил покупки на кухонный стол и рухнул на диван, заявив, что больше не сделает ни шагу. Элен только фыркнула и принялась разбирать пакеты, отмывать приобретенную посуду от этикеток. Бордовый плед действительно оживил комнату: на фоне белых стен и светлого дерева он выглядел как яркое, вызывающее пятно вина на скатерти. Элен нравилось.

— Я займусь ужином, — сказала она, закатывая рукава свитера.

— Я помогу, — отозвался Кристиан с дивана.

— Ты помогаешь тем, что не мешаешь, — хмыкнула Элен.

Готовка на новой кухне вызывала определённый стресс. В Лионе Элен знала каждую конфорку, каждую полку, каждый угол. Знала, что духовка нагревается неравномерно и правый угол всегда горячее левого. Знала, что кран подтекает, если закрутить его слишком слабо. Здесь всё было чужим. Элен двигалась по кухне неуверенно, то и дело натыкаясь на углы.

Но постепенно дело пошло. Форель она натёрла солью и травами, сунула в духовку вместе с крупно нарезанными овощами. На плите закипала вода для картофеля. Кристиан появился на кухне как раз вовремя, когда девушка пыталась одновременно помешивать соус и не дать картофелю сбежать. Он молча отобрал у неё венчик, кивнул на плиту

и сам встал к соусу. Ближе к концу готовки, достал бутылку белого вина и тут же замер, глядя на пробку.

— Мы забыли штопор.

Элен обернулась.

— Ты серьёзно?

Он выдержал паузу, глядя на её лицо, и вдруг расплылся в улыбке.

— *Connard (*Фр. «Козёл».), — Элен злобно шлёпнула мужчину полотенцем по плечу. — Я бы не пережила ещё дня без вина!

— Я бы тоже, — рассмеялся Кристиан, доставая припрятанный в кармане штопор.

Вино открыли без приключений. Белое, холодное, с цитрусовой кислинкой, оно оказалось именно таким, каким нужно: лёгким, не обязывающим, подходящим к их первому дню в новой жизни. Они сидели за столом у окна, ели рыбу с овощами, макали хлеб в соус и разговаривали, не вспоминая ссор и обид. Алкоголь делал своё дело: мысли становились мягче, слова легче, мышцы расслаблялись. К концу бутылки у Элен кружилась голова, она громко смеялась и стряхивала пепел мимо кружки, которую было не жалко использовать в качестве пепельницы.

Послышался звук откупоривающейся пробки — Кристиан открыл вторую бутылку.

— После белого? — Элен подняла бровь. — Ты же штурман, у тебя должно быть чувство порядка.

— У меня чувство праздника. Порядок — завтра.

— Мы умрём завтра.

Мужчина разлил новое вино по бокалам, даже не сполоснув их от белого. Элен хотела возмутиться, но передумала. Красное было тёплым, густым, с ягодным послевкусием. Оно пилось тяжелее и пьянило сильнее. Элен хоть и любит данный напиток, но обычно не пьёт в *таких* количествах — во Франции принято растягивать один бокал всю трапезу. Молодым людям пришлось переместиться на диван в гостиной, иначе Элен рисковала улечься прямо на стол, потому что равновесие на стуле она уже потеряла.

Девушка полулежала на диване, упёршись щекой в плечо Кристиана, и слушала его истории. Правда, уже не разбирала ни единого слова и не понимала смысловой цепочки. Тогда она сменила тактику: её пальцы, до этого рассеянно теребившие край мужской рубашки, пробрались под неё и начали гладить живот. Сначала невинно, потом всё настойчивее, спускаясь ниже.

— Ты что делаешь? — спросил он.

— Я хочу тебя. А что, нельзя?

— Можно, — согласился он. — Но ты пьяная.

— И что? — она потянулась к его губам, но промахнулась и поцеловала в подбородок. — Ну вот. Ты уворачиваешься.

— Я не уворачиваюсь, ты целишься мимо.

Элен недовольно пробурчала. Кристиан взял её лицо в ладони и поцеловал. Глубоко, влажно, без намёка на нежность.

Это был пьяный, развратный поцелуй: его язык протолкнулся ей в рот сразу, слюна смешалась с вином, дыхание стало громким и прерывистым. Его ладонь скользнула с лица девушки на затылок, сжала волосы в кулак, не больно, но властно. Она застонала ему в рот.

Кристиан отстранился первым. Расстегнул брюки, достал уже твёрдый, с набухшей головкой член. Элен думала, он сейчас разденет её, уложит на диван, сделает всё как обычно. Но вместо этого, ладонь в её волосах мягко, и одновременно настойчиво надавила на затылок.

— Давай, — сказал он.

Элен что-то промычала — то ли недовольно, то ли согласно, — но всё же подалась вниз. Она обхватила горячий член одной рукой и, облизнув губы, прижалась ими к головке. Кристиан надавил сильнее, и член оказался в её рту почти целиком, глубоко, насколько позволяло горло. Он запрокинул голову и шумно выдохнул.

Девушка начала двигать головой лениво, как во сне. Алкоголь сделал её неуклюжей, но старательной. Она то брала глубже, замирая, чтобы привыкнуть и подавить рвотный рефлекс, то отстранялась, обводя языком головку. Слюны было много, она текла по подбородку, по пальцам. Элен вспомнила их вчерашний секс с двойным проникновением, и её извращённое спиртным сознание заставило пошло задвигать бёдрами, прося о внимании.

Она услышала, как Кристиан усмехнулся. Он шлёпнул её

по ягодице и за волосы оттянул от своего паха. Член вышел из её рта с влажным звуком, ниточка слюны ещё тянулась от губ к головке. Элен подняла на мужчину пьяный, расфокусированный взгляд.

Не успев отдышаться, она не поняла, как оказалась на спине. Кристиан задрал её свитер вместе с лифчиком и грубо припал к груди, жадно посасывая и кусая соски. Но долго церемониться не стал и вскоре стащил с девушки джинсы вместе с трусиками. Отбросил вещи в сторону и согнул её ноги в коленях, широко разводя бёдра. С такого ракурса Элен была похожа на податливую шлюху: растрёпанная, с задранным свитером, с припухшими от поцелуев губами. Её киска уже была мокрой и поблёскивала в тусклом свете торшера.

Кристиан легко вошёл в неё и начал ритмично двигаться. Не замедляя темпа, он сунул большой палец в рот Элен. Та послушно обхватила его губами, провела языком по длине фаланги. Этим эже пальцем Кристиан стал стимулировать клитор девушки. Элен застонала громче, выгнув спину. Глубокие толчки внутри и скользкое трение снаружи скрутили её тело в тугой узел. Она чувствовала, как напряжение нарастает, как мышцы сжимаются вокруг члена, как мир сужается до одной точки. Её тело выгнулось дугой, ногтями впиваясь в обивку дивана. Оргазм накрыл резко, ослепительно, заставив вскрикнуть. Кристиан сделал ещё несколько грубых, рваных толчков и, уткнувшись лицом в изгиб её шеи, кончил внутрь.

***

Элен проснулась с ощущением, что в голове поселилась та самая наглая чайка, и теперь она клюёт изнутри прямо в мозг. Свет резал глаза, хотя за окном было всё то же пасмурное бергенское небо. Элен застонала, переворачиваясь на другой бок. Голова гудела, а во рту было сухо, как в старой пепельнице. Она лежала в постели, укрытая одеялом, но абсолютно голая. Элен попыталась восстановить хронологию вчерашнего вечера: ужин, вино, первый бокал, следующий, красное вино… А дальше — чёрная дыра.

В дверях появился Кристиан. Свежий, умытый, слишком бодрый для человека, который вчера пил наравне с ней.

— Доброе утро.

— Что вчера было? — голос девушки прозвучал хрипло.

Мужчина прислонился к косяку и довольно улыбнулся:

— Ты не помнишь?

— Кристиан, не издевайся.

— Ну… — он выдержал паузу. — Я тебе рассказывал про ситуацию на учениях, ты кивала. Потом сказала, что хочешь меня.

— Я такого не говорила.

— Говорила. Примерно трижды. С возрастающей степенью убедительности.

Элен застонала и натянула одеяло до подбородка. В описании подробностей она не нуждалась. Тело помнило то, чего не помнила голова: приятная истома в мышцах, лёгкая

болезненность между ног. Стоит быть осторожнее с алкоголем. Хоть Кристиан и родной человек, напиваться до беспамятства как-то… слишком.

— Голова раскалывается, — пробормотала она. — Мне нужна минералка. И аспирин. Ты не сходишь?

— Вообще-то, тебе придётся справиться самой. Мне нужно явиться в офис.

Элен приоткрыла один глаз.

— В офис? Ты же говорил, у тебя ещё несколько дней…

— Пока ты спала, мне позвонили. Попросили прийти сегодня — подписать документы, получить пропуск, познакомиться с капитаном.

— Позвонили? Откуда у тебя местный номер?

— Мне выдали симку ещё в… не важно, — он сунул руку в карман и положил на прикроватную тумбочку пластиковый прямоугольник со свежей сим-картой. — Для тебя тоже есть.

Элен уставилась на карточку, потом на Кристиана.

— И давно? Почему ты только сейчас говоришь об этом?

— Элен, — Кристиан опустился на кровать рядом с девушкой, обхватив её за плечи. — Мы вчера хорошо провели день, и я просто забыл сказать. Не истери, ладно?

Девушка подозрительно глянула на жениха. Выдали когда? Они в Бергене только сутки, и Кристиан всё время был рядом. Значит, сим-карты у него уже давно, и ничто не мешало ему позаботиться о связи заранее. Но спорить ей не

позволяла раскалывающаяся голова.

— Ладно, — выдохнула она.

—Хорошо, — Кристиан поцеловал её в лоб и встал. — Я вернусь примерно к четырём.

— Ты забыл сказать «я люблю тебя».

— Я люблю тебя. Даже с похмелья.

Кристиан улыбнулся и вышел. Элен закрыла глаз, с силой потёрла виски. Она полежала ещё немного, но потом заставила себя пойти в ванную, а потом и вовсе выйти на улицу.

Аптека нашлась быстро. Небольшая, с зелёным крестом над дверью. Внутри пахло травами и спиртом. Элен купила аспирин, не пытаясь объясняться по-норвежски — просто показала на голову и поморщилась. Фармацевт, юная девушка в очках, понимающе кивнула и добавила к аспирину солёную минералку (святая женщина). «For hodet», — сказала она. *Для головы.* Элен запомнила.

На улице она открыла минералку прямо у входа, запила таблетку и выпила почти половину бутылки залпом. Холодная, солоноватая вода показалась лучшим, что она пробовала в жизни. А Норвегия не так уж и плоха, оказывается.

Дома, лапша быстрого приготовления тоже больше не казалась чем-то тошнотворным. Её бульон обладал живительной силой при подобных обстоятельствах. Элен съела всё, обжигаясь, и запила остатками минералки.

Чуть позже она вставила сим-карту в телефон. Тариф уже был оплачен, она проверила: интернет работал, сообщение

от оператора пришло на норвежском, но цифры были понятны. Элен открыла мессенджер и набрала маму. Гудки шли долго. Потом зазвучал родной, чуть встревоженный голос:

— Моя девочка! Как ты?

— Привет, мам.

— Наконец-то! Я уже волновалась. Как долетели? Как город? Как Кристиан?

— Всё хорошо…

Элен рассказала про квартиру, про горы (про похмелье решила умолчать). Мать слушала, переспрашивала, смеялась. Спросила, назначили ли они дату. Элен ответила уклончиво: «Пока нет, но мы обсуждаем». Мама вздохнула, но ничего не сказала.

Они проговорили почти полчаса. Когда Элен положила трубку, на душе было легче. За окном начал моросить дождь, но теперь он казался почти уютным. Она сидела на диване, укрывшись бордовым пледом, и думала: «Я справлюсь».

Штиль

Дни до рейса бешено неслись, и Элен едва успевала за ними.

Каждое утро Кристиан уходил раньше, чем она допивала кофе, а вечерами возвращался позже, чем обещал, оставляя после себя лишь запах одеколона и лёгкое чувство недосказанности. Время, которое они проводили вместе, стремительно сжималось: сначала ужины стали короче, потом разговоры перед сном иссякли, превратившись в усталые «как дела» и односложные ответы. Даже секс стал реже и занимал не более пятнадцати минут вместе с прелюдиями, будто они галочку ставили в списке супружеских обязанностей. Элен хваталась за эти крохи с отчаянием, которое самой ей казалось унизительным. Она не была женой. Не была даже невестой в полном смысле этого слова, а только обещанием, которое всё откладывали.

Она пыталась урвать каждую секунду, вцепившись в привычный ритм их жизни мёртвой хваткой. Готовила ужины, которые он съедал впопыхах, не замечая её стараний. Предлагала прогуляться после его возвращения — Кристиан соглашался, но шёл рядом молча, с отсутствующим взглядом, и она понимала, что мыслями он на ледовых картах, прокладывает курс среди айсбергов, в то время как она остаётся где-то на берегу. Иногда ей казалось, что он уже в море, что

ушёл туда раньше, чем поднялся на борт. Его тело ещё сидело напротив неё за столом, ещё лежало рядом в постели, но сам он был где-то далеко, в серых водах Северного пути, среди ледяных глыб и непроглядных туманов, и она ничего не могла с этим сделать.

Однажды она не выдержала.

Это случилось вечером, за три дня до рейса. Элен приготовила его любимую пасту с морепродуктами. Ждала. Он обещал вернуться к семи. Но в семь его не было. В восемь — тоже. В девять она написала: «Ты скоро?» Он ответил коротко: «Задержали. Не жди». Она сидела за столом, глядя на остывшую пасту, и внутри неё закипало что-то тёмное и горькое.

Он вернулся в половине одиннадцатого. Вошёл, бросил сумку на пол, сказал: «Привет». Элен стояла в дверях кухни, скрестив руки на груди.

— Ты обещал быть в семь.

— Задержали, я же написал.

— В последнее время ты всегда задерживаешься. И почти не разговариваешь со мной, Кристиан. Ты вообще замечаешь, что я ещё здесь?

Он устало провёл ладонью по лицу.

— Элен, у меня скоро рейс. Я готовлюсь. Это важно.

— А я — нет? Я тоже важна. Или я просто мебель в твоей квартире?

— Блять, — он резко вскинул руки и почти выкрикнул

это, — ну что ты начинаешь?! Я вымотан, я только что с тренажёров, у меня голова трещит! Я пришёл домой, хочу тишины, а не допроса!

Элен отшатнулась, как от удара.

— Я не допрашиваю! Просто…

— Ты «просто» всегда! Всегда, Элен! Когда я не уделяю тебе внимания — я виноват. Когда я уделяю — тебе мало. Ты говоришь, что я не замечаю тебя, но ты не замечаешь, что я пашу ради нас! Ради нашего будущего! Которого ты, кажется, вообще не видишь!

— Я вижу, как ты от меня отдаляешься!

— Я работаю! — он хлопнул ладонью по стене. — Я не могу быть идеальным женихом, когда у меня на носу рейс, от которого зависит моя карьера! Прости, что я не могу быть твоей сиделкой!

— Сиделкой? — возмутилась Элен. — Ты сейчас серьёзно? Я для тебя обуза?

Кристиан выдохнул и закрыл глаза. Когда он заговорил снова, голос был тише, но не мягче.

— Я не говорил «обуза». Я сказал, что не могу быть сразу всем. Ты требуешь от меня слишком многого.

— Я требую, чтобы ты просто был рядом.

— Блять, я и так рядом!

Она смотрела на него: на покрасневшее лицо, на сжатые кулаки, на шрам над бровью, который побелел от напряжения, и не узнавала. Или, наоборот, узнавала впервые.

— Ты рядом, — повторила девушка тихо. — Физически. А головой… где угодно, только не здесь.

Кристиан молчал, тяжело дыша. Она видела, как вздулась вена у него на виске.

— Знаешь, что самое паршивое? — продолжила она. — Я не злюсь на тебя за то, что ты много работаешь. Я злюсь на тебя за то, что ты даже не пытаешься сделать вид, что я тебе нужна.

— Ты мне нужна.

— Зачем? Чтобы готовить ужины, которые ты не ешь? Чтобы ждать тебя до одиннадцати? Чтобы лежать в постели и делать вид, что всё в порядке?

— Элен…

— Ты сделал мне предложение. Надел кольцо мне на палец, сказал: «Выходи за меня». И с тех пор ты делаешь всё, чтобы я чувствовала себя одиноко. Может быть, ты просто не хочешь жениться? Может, сделал предложение, потому что так было удобно? Я не знаю.

— Это неправда.

— Тогда почему мы до сих пор не назначили дату? Почему ты каждый раз уходишь от разговора?

Он выдохнул, длинно, шумно. Потом посмотрел Элен прямо в глаза.

— Потому что я хочу, чтобы у нас было всё по-настоящему. Не просто роспись в мэрии и ужин в ресторане. Я хочу нормальную свадьбу. Чтобы ты в белом платье, чтобы твоя

мама плакала от счастья, а не от того, что всё в спешке. Я хочу оплатить это сам, а не брать у родителей. Понимаешь? Я мужчина, Элен. Я должен обеспечивать свою семью. А сейчас у меня контракт, первый выход в море, я ещё ничего не заработал. Дай мне год. Один год. Я встану на ноги, накоплю, и тогда мы устроим всё как положено.

Девушка смотрела на него. Кристиан говорил убеждённо, горячо, и в его глазах не было ни тени сомнения. Он действительно верил в то, что обещал.

— Ты понимаешь, что это звучит как очередная отсрочка? — спросила она.

— Это не отсрочка, а план.

Элен молчала. Смотрела в его глаза, в которых сейчас не было ни уклончивости, ни вины. Только упрямство, которое она когда-то полюбила. И верила. В очередной раз. Верила…

***

В день отплытия она проводила его до порта. Было раннее, промозглое утро. Кристиан стоял у трапа с рюкзаком на плече — красивый, собранный, в форме компании «Nordlys». Над ними кричали чайки. Ветер трепал волосы Элен, и она то и дело заправляла прядь за ухо, а та снова выбивалась.

— Двадцать дней, — сказал он. — Всего лишь. Ты даже не заметишь.

— Замечу, — грустно вздохнула Элен.

Мужчина притянул её к себе и поцеловал. Не так, как в

последние дни — коротко и почти формально, а по-настоящему, как раньше. Как в Марселе, когда он опустился на колено. Она ответила так же пылко, и на секунду ей показалось, что всё ещё можно исправить.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— И я тебя. Возвращайся.

Кристиан отпустил девушку, поднялся по трапу и исчез за дверью надстройки. Элен стояла на пирсе, пока корабль не отошёл от причала и не стал маленькой точкой на серой воде.

Домой она вернулась продрогшей и первым делом позвонила маме.

— Всё, — сказала она, когда в трубке раздался родной голос. — Только что проводила.

— Как ты?

— Как всегда. Только ещё хуже.

— Милая, — вздохнула мать. — Если ты выходишь за моряка, половину жизни будешь ждать на берегу. Твоя бабушка так жила. Это нелегко, но ты справишься.

Элен хотела поправить: «Я даже не знаю, выйду ли я за него». Но вместо этого сказала:

— Знаю, мам. Справлюсь…

— Может, приедешь в Лион? Чего тебе там одной делать?

Девушка помолчала. Она любила маму, правда, но прожить с ней почти три недели в одной квартире означало бы выслушивать непрошенные советы, получать чрезмерную заботу и ловить тревожные взгляды.

— Не могу, мам. Билеты дорогие. И потом… вдруг Кристиан вернётся раньше? Я должна быть здесь.

— Как знаешь. Но если что, я тебя жду. Всегда.

— Знаю. Спасибо.

***

Дни без Кристиана мучительно тянулись. Девушка всегда скучала за ним и за несколько лет научилась справляться с тоской. Но не в Норвегии.

По утрам она занималась разминкой, потом садилась за норвежский. Приложение на телефоне, блокнот с фразами, детская книжка про кота, который потерялся в Бергене. Кот нашёлся, а её словарный запас пополнился на «katt» и «gate». *Улица*. *Кот*. Улица кота. Уже что-то.

Днём гуляла. Не чтобы смотреть город, а чтобы убить время. Исходила центр вдоль и поперёк: Брюгген, рыбный рынок, узкие переулки за портом. Если не было дождя, садилась на скамейку с книгой и читала, пока первые капли не падали на страницу. Тогда вставала, прятала книгу под шубой и шла домой. Да, перед отъездом мужчины они сходили и купили ей шубку… за её же деньги. С первого дня в Бергене они живут за счёт Элен: Кристиан сказал, что так будет до его первой получки, мол, он вложился в билеты и квартиру, а текущие расходы пока на ней.

Кристиан звонил редко. Связь на судне была паршивая: голос пробивался сквозь треск и шипение, слова обрывались на полуслове. «Всё хорошо… айсберги… кит… скучаю…»

Вечерами, за неимением лучшего, Элен включала YouTube. Какие-то кулинарные шоу, французские влоги, смешные нарезки. Однажды она вдруг подумала: а если бы у них был ребёнок? Элен бы сейчас не сидела одна в пустой квартире. Не скучала бы и не считала дни до его возвращения. У неё был бы кто-то, кто нуждается в ней постоянно, а не раз в четыре недели.

Она представила маленькую кроватку в углу спальни, запах детского крема, тёплый свёрток на руках. Кристиан, возвращающийся из рейса не в пустой дом, а к семье. Может быть, тогда он был бы внимательнее? Может быть, тогда бы охотнее женился?

Но ребёнок — это не лекарство от одиночества и не игрушка. Элен знала это, ведь поэтому принимала противозачаточные. Но иногда, в самые тихие вечера, эта мысль возвращалась.

А ещё она пыталась найти работу. Листала вакансии на норвежских сайтах, вооружившись онлайн-переводчиком. Официантка в отеле — норвежский обязателен. Администратор в галерею — норвежский и опыт работы в этой должности. Продавец в книжный — норвежский, английский и «желательно ещё филологическое образование». Она злобно захлопывала ноутбук.

В Лионе Элен работала в музее изобразительных искусств — не самом большом во Франции, но одном из самых уважаемых. Должность её называлась скромно: ассистент кура-

тора отдела современной скульптуры. На деле это означало, что она была правой рукой человека, который решал, какие выставки увидит город в ближайшее время. Она вела переписку с художниками, галереями, фондами и частными коллекционерами — на французском и английском, иногда на итальянском, который выучила в университете и на стажировке в Риме. Она составляла каталоги, писала аннотации к экспонатам, следила за монтажом и демонтажом, решала тысячу мелких проблем, без которых ни одна выставка не открылась бы вовремя. Иногда, в дни вернисажей или когда приезжали важные гости, она сама проводила экскурсии. И делала это так, что даже скучающие чиновники из министерства культуры начинали задавать вопросы и задерживались у скульптур дольше положенного.

Ей всего двадцать девять. Она была на хорошем счету, ещё пара лет, может быть, три года, и она могла бы претендовать на собственное кураторство. Не ассистентское, а настоящее, с бюджетом и правом голоса.

И она бросила это. Ради мужчины. Ради любви. Ради места в стране, где её диплом и опыт будут значить ровно столько, сколько она сможет объяснить на языке, которого не знает.

Даже поход в магазин давался ей с трудом, каждый раз превращаясь в испытание (к сожалению, никто не понимал её так прекрасно, как девушка из аптеки). Она открывала переводчик и всматривалась в названия продуктов, как в

шифр. *Helmelk* — ещё ладно, цельное *молоко*. А *skyr*? Что такое *skyr* и зачем он в четырёх разных упаковках? Однажды она полчаса искала рисовую муку (хотела испечь торт, чтобы порадовать Кристиана, когда вернётся), но вместо этого купила какую-то кашу быстрого приготовления с корицей. Дома расплакалась от злости на себя.

Каждый такой поход напоминал ей: она чужая. Здесь всё требовало усилий, даже самая простая, бытовая вещь. И от этого уставала не меньше, чем от одиночества.

***

Кристиан вернулся на три дня раньше. Девушка как раз мыла посуду, когда услышала щелчок замка. Сердце ухнуло куда-то вниз, потом подскочило. Она выбежала в прихожую, вытирая мокрые руки о джинсы.

Он стоял на пороге — замученный, с отросшей щетиной, во флисовой кофте, в которой уходил, и улыбался.

— Я же говорил — ты не заметишь.

Элен бросилась ему на шею, уткнулась в плечо, вдохнула запах корабля, соли, пота и чего-то дальнего. Он обнял её в ответ, крепко, но недолго.

— Пойду в душ, — сказал Кристиан. — Устал.

Элен осталась стоять в прихожей. Дверь ванной закрылась, и через минуту зашумела вода.

«Он устал, — успокаивала девушка себя. — Он действительно устал. Не придирайся».

К вечеру Элен решила, что они пойдут в ресторан. Не па-

фосный, а просто туда, где вкусно кормят и где можно уютно провести время вместе. Она хотела праздника в честь возвращения, в честь первого рейса. Но когда сказала об этом Кристиану, он отреагировал не так, как она ожидала:

— Элен, я правда вымотался. Может, не сегодня?

— Но ты только что вернулся.

— Вот именно. Давай останемся дома.

Она знала это «давай». Это было не предложение, а мягкий отвод. Способ сказать «нет», не обижая. Она посмотрела на его лицо и сдалась. Потому что если начнёт спорить, он скажет: «Ты опять не понимаешь», а она не хотела начинать ссору в первый же вечер.

— Хорошо, — кивнула Элен. — Остаёмся дома.

Кристиан после душа прилёг на диван «на пять минут» и тут же отключился. Она накрыла его пледом, хотя в квартире и так было тепло из-за недавно появившегося отопления, и пошла на кухню.

Готовила тихо, почти не гремела посудой. Рис для ризотто она купила ещё неделю назад, надеясь, что они сделают его вместе. Не получилось.

Элен мешала деревянной ложкой, смотрела, как рис впитывал бульон, становился прозрачным по краям, набухал, тяжелел. В этом было что-то медитативное, почти успокаивающее. Она не слышала, как Кристиан проснулся — только почувствовала его руки на своих плечах.

— Пахнет безумно, — сказал он хрипло со сна.

— Я старалась.

Он чмокнул её в макушку и сел за стол, уставившись в телефон.

Когда Элен закончила, она выключила плиту, добавила пармезан и масло. Разложила по тарелкам из белой керамики, которые они купили в первый день приезда. Красиво, почти как в ресторане, и села напротив.

— Ну как? — спросила осторожно.

— Хорошо, — Кристиан жевал, не поднимая глаз. — Рис немного переварен, но ничего. Вкусно.

Она промолчала. Убрала руки под стол, чтобы мужчина не видел, как они сжались.

— Ты так ничего и не рассказал, — начала Элен, когда пауза затянулась. — Как море? Команда?

— Нормально.

— Кристиан.

Он поднял взгляд. Усталый, стеклянный.

— Что «Кристиан»? Что ты хочешь услышать? Было холодно, ветренно, туманно. Капитан орал на матросов. Я по ночам заполнял навигационные карты. Всё.

— Ты не звонил почти.

— Связи не было.

— Я просто… соскучилась. Расскажи что-нибудь.

— Нечего рассказывать, — он пожал плечами.

Элен попыталась зайти с другой стороны.

— А я тут… я много чего сделала, пока тебя не было. Гу-

ляла по Брюггену, почти каждый день и… точно! Мне же сделали D-номер (Временный идентификационный номер в Норвегии.)!

Кристиан молча кивнул.

— И норвежский учила понемногу. Теперь могу сказать фразу «unnskyld, hvor er toalettet?» («Извините, где здесь уборная?»)

Она улыбнулась, стараясь, чтобы улыбка вышла лёгкой, без надрыва. Кристиан поднял глаза, посмотрел на неё странно, как будто она была ребёнком, который показывает рисунок, когда взрослый занят.

— Мило, — сказал он.

И замолчал. В комнате тихо гудел холодильник.

Элен вдруг подумала: может стоило рассказать про то, как нашла в парке скамейку, с которой видно фьорд, и сидела там, пока не замерзали пальцы? Про то, как плакала в пустой квартире в первый день после его отъезда, а потом вытерла слёзы и пошла на кухню, потому что надо было что-то есть?

Нет, не стоило. Он бы не понял. Или понял бы, но ему всё равно.

Она посмотрела на мужчину. Он доедал ризотто и, кажется, уже думал о чём-то своём: о следующем рейсе, о чём угодно, только не о ней.

— Я уберу со стола, — сказала Элен по окончанию ужина.

— Оставь, я потом помою.

— Не надо. Я сама.

Она собрала тарелки, подошла к раковине, открыла кран. Горячая вода обожгла пальцы, но она не убрала руки. Стояла, смотрела, как струя бьёт в тарелку, смывая остатки риса. Кристиан что-то говорил за спиной — про то, что завтра надо сходить в офис, опять что-то подписать. Она кивала, не оборачиваясь.

Позже они выключили везде свет и легли в постель. Элен лежала на боку, спиной к Кристиану, и, глядя в стену, думала о том, как странно устроены возвращения. Двадцать дней ожидания, двадцать дней тоски, сотня придуманных разговоров — и вот он здесь, рядом, тёплый, живой, но такой далёкий, что на душе скребли кошки.

Она уже почти заснула, в том пограничном состоянии, когда мысли путаются и обида отступает, но вдруг почувствовала его руку у себя на талии.

Кристиан придвинулся ближе. Коротко коснулся губами плеча. Потом его ладонь скользнула выше, на живот, задержалась на секунду и легла на грудь.

Элен замерла. Он гладил её медленно, привычно, зная каждое уязвимое место. Большим пальцем водил вокруг соска, слегка надавливал, а потом снова кружил. Её тело отозвалось раньше, чем голова дала разрешение. Элен ненавидела себя за то, как легко оно поддавалось, как предательски тепло разливалось где-то внизу живота.

Она не сопротивлялась, но и не отвечала. Мужчина, кажется, не замечал её молчания или делал вид. Он стянул с

неё трусики по колено и пристроился сзади. И когда вошёл, заполняя её всю сразу, девушка не выдержала.

Стон вырвался сам собой, глухой, давно сдерживаемый. Она выгнулась ему навстречу, откинув голову назад, на его плечо, будто тело наконец получило то, о чём молча просило двадцать долгих дней, и благодарность этого тела была сильнее любой обиды.

— Тш-ш, — выдохнул Кристиан в висок и чуть ускорился.

Она закусила губу, уже стыдясь своего стона, но поздно — Кристиан всё слышал. И теперь двигался увереннее, зная, что она проснулась. Зная, что она хочет, что она никуда не денется. Элен тихо постанывала, кусая нижнюю губу.

И вдруг он вышел. Резко, без предупреждения. Элен почувствовала пустоту и холод там, где только что было тепло, и растерянно замерла. Широкая ладонь звонко шлёпнула её по ягодице. Не больно, а скорее требовательно, повелительно.

— Побудь сверху, — сказал Кристиан. Голос сонный, хриплый, но в нём сквозило то, что не терпело возражений.

Элен на секунду опешила. Где-то глубоко внутри шевельнулось раздражение. Он мог бы попросить. Мог бы сказать «иди ко мне». Но нет. «Побудь сверху». Как инструкция, как команда на судне.

Но тело жаждало продолжения, а не начала очередной ссоры. Девушка стянула трусики до конца и бросила их куда-то в темноту. Села на бёдра мужчины, нащупала его член

в полумраке. Приподнялась, нависла над ним, одной рукой опираясь ему в грудь. Медленно, чувствуя, как растягивается, как заполняется снова, опустилась до конца и протяжно, почти жалобно, выдохнула.

Кристиан положил ладони ей на бёдра, сжал, но не помогал. Просто смотрел и позволял ей делать всё самой. Она двигалась сверху, сначала медленно, потом быстрее, находя свой ритм. Грудь подпрыгивала в такт движениям, и Элен уже не пыталась это контролировать, не прикрывала руками, как делала иногда, когда стеснялась. Сейчас она была где-то далеко от стеснения, в том странном месте, где тело живёт само по себе, а мысли молчат.

Кристиан смотрел на качающиеся бёдра, на влажную кожу, на грудь, которая то приближалась к его лицу, то отдалялась. Он положил ладони ей на талию, сжал, а потом потянул на себя, заставляя девушку наклониться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.